

Валентин Пикуль

В ногайских степях

*Часть сборника
Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Тайный советник

Валентин Пикуль

В ногайских степях

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

В ногайских степях / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Тайный советник)

«...Долгие годы в нашей литературе имя Фальц-Фейнов изымалось из обращения, и наш читатель мог подозревать, что знаменитая Аскания-Нова явилась сама по себе, будто рожденная по щучьему велению, а редкие звери Азии, Африки или Америки, презрев все преграды и расстояния, сами по себе вдруг сбежались в ногайские степи Таврии. Не пора ли помянуть добрым словом создателей уникального заповедника и рассказать об этой семье то, что мы знаем...»

Валентин Пикуль В ногайских степях

После московского международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн начал свое интервью такими словами:

«Тем, кто меня не знает, я хотел бы представиться. Мои предки по материнской линии – знаменитые Епанчины, герои Наваринского сражения. Предки по отцовской линии создали заповедник Аскания-Нова, где я родился ровно семьдесят пять лет назад. Я не писатель, но имею большого писателя в семье: Владимир Набоков – мой кузен. Он очень страдал, что на родине его не публикуют...»

Проживающий в княжестве Лихтенштейн, Фальц-Фейн никогда не забывал о покинутой родине – России, вернув нам многие сокровища, оказавшиеся за рубежом, за что и был награжден Почетным знаком Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами «За вклад в дело дружбы между народами».

Долгие годы в нашей литературе имя Фальц-Фейнов изымалось из обращения, и наш читатель мог подозревать, что знаменитая Аскания-Нова явилась сама по себе, будто рожденная по щучьему велению, а редкие звери Азии, Африки или Америки, презрев все преграды и расстояния, сами по себе вдруг сбежались в ногайские степи Таврии.

Не пора ли помянуть добрым словом создателей уникального заповедника и рассказать об этой семье то, что мы знаем.

К сожалению, знаем не так уже много...

В романе «Фаворит» я подробно писал о причинах, экономических и социальных, которые во времена императрицы Екатерины II вызвали мощную волну переселения в Россию чехов, немцев, словаков, голландцев, шведов с острова Даго, швейцарцев и даже эльзасцев. Они энергично обживали пустынные степи подле Саратова и в Причерноморье; впоследствии мы забывали о национальных и религиозных различиях между колонистами и всех пришельцев, осваивавших русскую целину, именовали немцами; там, где была их столица Сарепта, славная выделкой горчицы, ныне город Энгельс.

Среди многих выходцев из Европы был некий Иоганн-Георг Фейн, выехавший на Русь из саксонского города Хемница. Он сразу проявил себя деловым и полезным человеком: налаживал устройство суконных фабрик, был отличным мастером по выделке шерсти, столь необходимой для обмундирования армии. Приняв русское подданство, Фейн почему-то не пожелал называться колонистом, со всем потомством приписавшись к мещанскому сословию торгового Мелитополя.

Мелитополь со дня основания напоминал вавилонское столпотворение: на улицах слышалась речь русских, украинцев, болгар, немцев, греков, цыган, армян, караимов и татар – и все отлично понимали друг друга, если дело касалось не ерунды, а насущной прибыли. Вокруг же города залегли еще не тронутые плугом дикие степи, колышась сочными травами. В 1813 году, сразу после изгнания Наполеона, в Мелитополе состоялась публичная распродажа земель, пустующих без хозяина. Иоганн-Георг Фейн выкупил на аукционе обширный участок казенных земель, сразу сделавшись видным помещиком. Овцеводство и образцовая культура шерсти стали для него «золотым руном».

В безлюдной степи выросли длинные сараи кошар для укрытия овец в непогоду; появились хутора, окруженные садами, шерстомойни и склады, всюду отрывались артезианские колодцы для водопоя овец в знойные дни. У местных ногайцев были очень плохие овцы. Фейн призывал их разводить меринсов, с Кораном в руке он доказывал невежественным муллам, что «именно испанская овца, перенесенная маврами в Испанию, и была настоящей жертвенной овцой правоверных мусульман...». Человек дальновидный, Фейн внушал сыновьям:

– Я заложил здесь такое имение, доходов с которого хватит не только вам, но останется и внукам моим...

Старик был нрава крутого, вспыльчивого, и таким же характером обладал его старший сын Фридрих (Георгиевич по отцу). Однажды они крепко повздорили, никак не уступая друг другу, да такой скандал получился, что все домашние по комнатам разбежались. Отец с лязгом обнажил шпагу, крича:

– Убью, дрянь саксонская! Выродок паршивый...

Фридрих сунулся под стол, но острое шпаги выгнало парня... прямо в раскрытые двери. Вслед ему громыхнул безжалостный выстрел, но пуля миновала его, и, убегая, он слышал угрозы:

– Нет у меня сына. Пропадай... Я не знаю тебя!

Фридрих нашел приют в доме русского купца Летягина: сначала работал в его конторе, потом выдвинулся в компаньоны, сам разбогател. Старый Фейн умер в 1826 году, когда его сын уже завел собственное хозяйство в колонии Рейхенвельд. Все поселения колонистов были одинаковы: прямые улицы с обязательной кирхой и фонтанчиком возле жилища пастора, запах кофе из раскрытых дверей в домах каменной кладки, плодоносящие сады, дающие столь обильный урожай фруктов, что яблоки считались дешевле сена. Свою единственную дочь он – в честь жены – назвал Эльзой (по-русски Елизаветой). А жене говорил:

– Я не сверну с дороги отца. Овцы, дающие мясо и шерсть, всегда будут необходимы, чтобы человек был сыт и одет. Но в отличие от других колонистов не стану просить субсидий у казны российской: все сделаю на свои деньги...

Фейн был отличным селекционером. Через скрещивание различных пород он добился, что его стада, усиленные меринсами, обрели нужную холодостойкость, а тонкорунная овца давала на русский рынок отличную шерсть, ничуть не хуже английской. Но времена выпали трудные – не до жиру, быть бы живу.

1831 год остался в народе памятен холерой, которая переморила в Тавриде и... Таврии десятую часть жителей. Вслед за эпидемией наступила небывалая засуха, остатки травы выжрали неистребимые полчища саранчи. В степях умирали отары овец, растасканные волками и расклеванные стервятниками. Тогда же от голода погибли тысячи поселян и колонистов. Только в 1840 году наступила пора благоденствия и сытости: арба дынь или арбузов стоила рубль, абрикосы и груши продавали ведрами за понюх табаку, один ягненок стоил двадцать пять копеек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.